

18+

Франсис Жамм

ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ

Французская проза

Франсис Жамм

**Листья на ветру.
Французская проза**

«Издательские решения»

Франсис Жамм

Листья на ветру. Французская проза / Франсис Жамм —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932041-4

В книгу вошли произведения талантливого французского символиста Франсиса Жамма. Его проза мало известна, хотя поэзия переводилась на русский язык (Анненский, Брюсов, Эренбург, Лифшиц). Из прозы наиболее известен его «Роман о зайце». В настоящем издании вы прочтете произведения, до сих пор не переведенные на русский язык. Это эссе Ф. Жамма «Поэт и вдохновение», его записи из книги «Мысли садов» и «Размышления» из книги «Листья на ветру».

ISBN 978-5-44-932041-4

© Франсис Жамм
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Поэт и вдохновение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Листья на ветру

Французская проза

Франсис Жамм

Переводчик Елена Оскаровна Айзенштейн

Оформление обложки Елена Оскаровна Айзенштейн

© Франсис Жамм, 2024

© Елена Оскаровна Айзенштейн, перевод, 2024

ISBN 978-5-4493-2041-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Поэт Франсис Жамм родился в 1868 году во Франции, в Турне, а умер в 1938 году, в Аспаррене, в Пиренеях. Учился в Бордо. Он начинал как помощник нотариуса и только с 1895 года посвятил себя литературе. Его первые сборники стихов высоко оценили С. Малларме и Андре Жид. В 1901 году он познакомился с Клоделем (они были ровесниками), под влиянием которого в 1905 году пришел к католицизму. Франсис Жамм не слишком известен у нас, хотя его стихи переводили И. Анненский, В. Брюсов, И. Эренбург, Б. Лифшиц, С. Шервинский. Но эти переводы были сделаны около ста лет назад. Стихи Ф. Жамма в переводе Эренбурга издавались в 1969 году, а позже, в 1993, в составе антологии. В 2016 году вышел и двухтомник произведений Жамма: русский читатель может прочесть романы «Clara d'Ellébeuse», «Almaïde d'Étremont», «Le roman du lièvre», а также некоторые записи Франсиса Жамма, статьи о нем. Реми де Гурмон называл Жамма буколическим поэтом, в котором есть Вергилий, что-то от Ракана, что-то от Сегре. Гурмон воздавал почести Жамму, восхищаясь им как поэтом, рассказывающим о жизни природы, сверхъестественной, мистической, наслаждаясь ароматом его поэзии, которую сам Жамм называл поэзией белых роз. Илья Эренбург говорил о его католицизме, писал о влиянии Жамма на современников (Вильдрака, Крома, А. Жана). И сам И. Эренбург испытал глубокое влияние Жамма, посвятив Жамму сборник стихов «Детское» (Париж, 1914) и статью «У Франсиса Жамма» (//Новь, 1914, 26 февраля). Можно прочесть рассказ о визите к Жамму в мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь», но здесь передан уже спокойный, даже несколько разочарованный отчет о встрече. Отчасти под впечатлением от личности и творчества Жамма Эренбург даже собирался принять католицизм и уйти в бенедиктинский монастырь. Перечисленное свидетельствует о широте и богатстве личности Жамма, которая воздействовала на окружающих, заставляя их преображаться.

Предлагаемые в настоящей книге прозаические произведения (эссе, размышления, записи), насколько нам известно, до сих пор не были опубликованы в России. Первое эссе «Поэт и вдохновение» воплощает образ поэта. По словам Жамма, Поэт, с одной стороны, простой смертный, но, с другой, он обладает *привилегией слышания*, «большей, чем у обычного смертного, голосов, которые открывают нам Небо». Поэт может «сообщаться... восхитительным языком, образами, вдохновленными ангелами». Жамм сравнивает поэта с мистиками, с духовными людьми, но не ставит между ними равенства, понимая поэта как нечто особенное. Жамм убежден, что поэт не может руководствоваться исключительно духом зла, именно умение нести добро отличает поэта, делая его паломником Бога на Земле, передающим людям истину о потерянном Рае и обретенном Небе.

Франсис Жамм очень любил природу, и неожиданные, меткие его сравнения продиктованы этой любовью. Несмотря на то что биологическая наука подвинулась далеко вперед, Франсис Жамм не выглядит устаревшим в своих размышлениях о природе. Его поэтические наблюдения помогают проникнуть и в тайны человеческой души. Можно заметить, что Жамм братски относится к природе, любя живую природу, как любят человека: и гелиотроп, и смородину, и яблоню, и дуб, и растительную клетку.

Не менее внимателен Жамм к душе ребенка, наблюдая за ее ростом, рассказывая о первых шагах, совершаемых ребенком в области духовной, о вере в Бога, и эти милые автобиографические страницы напоминают о лучших наших прозаиках, от Аксакова до Цветаевой. Пишет Жамм и о простой жизни крестьянина, о душе беднячки, похожей на Сонечку Достоевского, а рядом размышляет о душе поэта, живущего воображением и погруженного в библейские образы, о силе святой молитвы, о горечи разочарования, о старости и вере в вечную жизнь, о материнской любви и любви плотской, о любви поэта к красоте, о ярком мире Биб-

лии, о человеке-труженике как подобии Христа, о жизни и о смерти, о единстве созданного Богом мира.

В произведениях Франсиса Жамма читателей привлечет его светлая вера в прекрасное и в Бога и неповторимый язык, которым написана проза поэта.

Поэт и вдохновение

Поэт – это паломник, которого Бог посылает на землю, чтобы он на ней открыл следы потерянного Рая и отысканного Неба.

Поэт – тот бедняк, который в полдень сидит на земле старого сада, где первый мужчина и первая женщина были так прекрасны. Он держит в своей руке чашу, его собака лежит у его ног, и он спрашивает у случайных прохожих и у самого Бога милости красоты, которая была, есть и будет.

Но прохожие не снисходят до того, чтобы опустить на него свой взгляд, они не видят страдания его взгляда. Единственное существо, которое сострадает ему молчаливо, это его неподвижная собака... Но Бог позволяет упасть в чашу бедного поэта целиком всему лазурному небу.

О, брат Анжелико! Ты хватаешься за эту лазурь, ты выражаешь на твоём холсте то, что тебе удалось познать в этот вдохновенный час, час восторга.

И вы, мои братья, принимаете также покровительство этого неба, которое все целиком дано каждому, в ваши протянутые руки; вы создаете ваш полог, вы покрываетесь этим небом, как святые девы и как холмы.

И так чист этот божественный свет, в который вы облеклись, и он укрывает вас от непосвященных глаз. Так колокольчик августа, белый с синим, кажется растаявшим.

И поэт рождается, живет и умирает, как мало заметный цветок полей.

Поэт тот, кто наблюдает через высокую решетку парка за супружескими парами, уходящими в голубизну ночи, кто слышит еле слышное приглашение мандалины. Он не позван на праздник, но белый волюбилис (растение из семейства выюновых, используемое как изгородь, лилового или белого цвета. По-русский – выюнок. – переводчик) в сумраке перелезает через решетку, наклоняется к нему и одному поэту открывает весь мед и весь снежный жар. И когда влюбчивые шумы побегов покрывает песнь соловья, эта песня воспринимается только поэтом, чье сердце наполняется божественной гармонией, как источник чистой воды, отвечающий песне птицы. И я слышу Святого Иоанна Крестителя, который поет хвалу:

*Мирная ночь,
Молчаливая музыка,
Гармоничное одиночество,
Вечера, которая очаровывает и увеличивает любовь,
Букет роз с сосновыми игольками,
...Дыхание зефира,
Песня нежной Филомелы,
Очарование леса в течение просветленной ночи,
С пламенем, которое, растраниваясь, не служит причиной страданий.*

Поэт тот, кто ничего не получает, отрекается от своей грубой чаши, чтобы выпить даже отражения свежего неба, он студент, поющий с добрых веков в несказанном стихотворении Чу-Гуан-ши:

*Когда садится солнце и перестает освещать окна на северо-запад,
Тогда ветер осени раздевает свистящий бамбук,
Студент приближается к полуденному окну,*

*Его глаза редко покидают книгу, он всегда сосредоточен.
Видя мох и высокие травы, он размышляет об античности;
Он смотрит, слушает, испытывая глубокое спокойствие в своем
одиночестве;
Может быть, спросите вы, что-то нужно ему, чтобы обладать
меньшим из существований:
Полудикую пшеницу срезает он в заброшенных землях.*

Поэт тот, кто в утомительной необходимости быть подотчетным земным обстоятельствам, в изнеможении и горечи, в монотонности бюрократической пыли, под игом желчного покровителя, замечает лучистый профиль маленькой пятилетней девочки и на столе для слуг находит кусочек хлеба для ребенка.

Поэт тот, кто, ударяя своим посохом, заставляет бить источник в скале, в жаждущей деревне – воду, полными краями текущую в гуще лугов. И рождаются виноградники с их огненными гнездами, рабочие дома поднимаются с веселыми садами и с детским шумом, потому что гений поэта открывает эту хрустальную жилу радости.

Однако лишь он одинок, только он беден, только он величественно раздет, как эта нагая вода, где отражаются небеса.

У поэта полное ухо молчания, которое мы создаем вокруг него, или шум оскорблений, отзвуками подымающийся из его сердца, подобно храму, песне серафимов и голосу мудрости.

Поэт тот, кто, не сжав в объятиях победительницу и красавицу жену, хватает глину, которую замесили мы, и лепит красоту.

Поэт – молодой человек, которого я видел однажды в Анвере; ему было двадцать пять, он был никому не известен и жил в мансарде в такой безвестности, что его отец мне сказал: городские господа забыли, что он существует. Он не произнес ни единого слова, когда увидел, как я вошел. Он воспользовался глубоким ночным часом, чтобы открыть на краю бездны безымянную звезду.

Поэт тот, кто наклоняется к ребенку, с добрым взглядом останавливающемуся у его постели, к тоскующей матери. Поэт заставляет течь перед больным открытую им свежую добродетельную воду или дает спасительную кору, собранную в тропическом лесу, где среди сверкающих лиан улыбается своей улыбкой Бог. И в сумерках температура потихоньку снижается.

Поэт тот, кто идет к морю. Он прыгает в ялик, качающийся в широком потоке. И туман покрывает порт, где женщины и дети ждут несбыточного возвращения. Но нужно, чтобы он уехал, чтобы он раздвоился, словно меж двух гор, меж двумя противоположными и возвышенными чувствами, темной нежностью домашнего очага и горьким поиском той пищи, которую достают сетями на жидкой равнине без пшеницы.

Поэт тот, кто идет в лес. И, как в песне старого моряка, он встретит там отшельника и радостную свадьбу, и он сам утешится флейтой и птицами среди пурпурной перебежки белок, ковров цветов и мхов такими неисчерпаемыми деталями, как наука о гнездах. И скоро лес – обнаженный крест.

Поэт тот, кто, подобно обычному камню, в своих руках держит зерно пшеницы. В нем видит он уменьшенную форму хлеба, который ребенок рабочего приносит в своих руках, и жатву с васильками, и с маками, и с криками насекомых, и церковь, и священника, поднимающегося к алтарю, и таинственного странника, в вечер Эммауса (Эммаус – селение, в котором после воскрешения Христос преломлял хлеб вместе с двумя учениками в десяти километрах от Иерусалима – примеч. переводчика), смешивающего сияние своего лба с сиянием просфоры.

Поэт – человек, которому Бог возвратил сокровище.

И вначале вижу я Ноя, певшего под радугой окончательную кантику договора об избавлении (Бытие 6:9—11:32 – примеч. переводчика). А потом он, полный здоровья, прогуливается в своем винограднике. И каждое спелая виноградина лозы представляется ему прозрачным глазом, полным коричневого и белого солнца, устремленным к Спасителю.

И вдруг я вижу под могучим дубом Авраама. Его шатер – это золотой жернов, весь потрескивающий от колосков, и Авраам, в тягостном величии не знающий, что сделать для своего Бога, который является ему и кого он обожает, дает Господу хлеба в пищу.

Потом, если бы я мог так сказать, взволнованный славой жаркой жатвы, погружаюсь в величие того, как старый Буз видит Руфь (Руфь, Буз – персонажи «книги Руфи», участвующие в Библии – примеч. переводчика), возникающую на горизонте ячменного поля. И он оставляет воду, приправленную уксусом, косарям. И до сего дня темные поденщики обмакивают свой хлеб в это бедное питье, в нем можно вкусить дивный вкус, оставленный им моавитянкой, потому что любовь патриарха собирается в небе и приближается к ней, как мягкий грохочущий ливень.

Благословенны будьте вы, люди, в ваших сердцах посеявшие, по божественному вдохновению подкормленные, открывшие обещанные земли, их флору и фауну, их камни; и впитайте те же лучи, возвращенные в прозрачные горы и вибрирующие белыми хохолками на лбу Моисея!

«Ну и что? – скажут некоторые. – Не собираетесь ли вы приравнять к святости и благодати достающееся этим слишком нищим людям, чьи волосы коронованы нарциссами, с флейтами на губах, любящими вразумлять скворцов?.. Тем, кто веками способствовал безумию резать козла под розами?»

Уподобить поэтов святым в главном, бог меня храни! И какое удовольствие, что я преподаю Верлена! Но я не рискну поставить его напротив святого Иоанна Крестителя.

Однако Верлен написал «Sagesse» («Мудрость») (книга Верлена в стихах «Sagesse» (1880), которую на русский язык перевел Эллис, – примеч. переводчика), которую благословил бы Франциск Ассизский. И я продолжаю удивляться этой пропасти чистоты, где слова несут с собой лилии, и облака затуманиваются ладаном, когда я узнаю, что в одно и то же время он писал и книгу «*Parallèlement*» («*Параллельно*»), где встречаются самые редкие и самые тяжелые плотские пороки.

Кто заключит логически, вместе с поэтом наших дней, что наш мир приведен в движение танцем, ведущим и задающим ритм скрипкам двух ангельских рас: доброй и проклятой?

И мог ли бы я расположиться в этой разновидности духовного и музыкального полумрака, где сражаются добро и зло, где люди словно слышат серафические аккорды, почти регистрируют обманчивые голоса демонов, таких поэтов, как Верлен, Рембо, Шарль Бодлер и других?

Они живут своей поэзией, своим стилем, увы! к которому слишком часто даже христианин ведет свое существование; в полдень он приближается к болоту, когда белая кувшинка, кажется, приглашает сорвать ее. Прежде всего, он не восхищается этой опьянительностью, увы, он оскверняет цветок, протягивая к нему руку. И плачет, каясь, что видит этот цветок, еще недавно безупречный, а теперь потускневший, отданный в руки демонов: вся радость для них заключается в загрязнении того, что свято, в нарушении гармонии...

Но, без сомнения, слишком полагаются на слабость опального поэта. Мало истинных поэтов; нет поэта, который погрешит против духа. И еще мелодическое и чистое дыхание добрых ангелов в неожиданном всплеске возрождает поэта, оживающего, хватающего из рук демонов проклятый цветок и погружающегося с ним в чистый источник, где Богоматерь омоет и отпустит ему грехи.

Однажды мне задали трудный вопрос:

– Но какое место занимает поэт среди созерцательных типов?

Я ответил просто:

– Согласно добру, которое он делает душам, Поэт занимает в мистике место некоего смертного, но на самом деле эта привилегия слышания, большая, чем у обычного смертного, голов, которые открывают нам Небо.

Это напомнило мне Святого Бернара, который сказал, что люди, испытавшие возвышенную благодать, влияние экстаза или духовного брака, не могут снова спуститься в это состояние – поделиться им с нами, они приобретают, по меньшей мере, лишь способность – сообщаться в каких-то пределах восхитительным языком образов, вдохновленных ангелами. Это мнение Святого Бернара мне представляется истинным (Святой Бернар проповедовал христианство в Ломбардии и в Альпах. Делом его жизни считается основание в 962 году приюта для путников. Расположенная здесь ныне церковь считается самой высокогорной церковью Европы – примеч. переводчика) .

И когда я читаю Духовные Кантики, я не могу отказать себе в мысли, что в них проходят ангелы:

*Цветы и изумруды,
Выбранные в течение свежих утр,
Мы заплетаем в гирлянды,
Которые заставила расцвести ваша любовь,
Связавшая единственный мой локон.
Этот единственный локон,
Вы видите развевающимся на моей шее,
Вы на него смотрите,
Вас удержал он узницей¹;
И один из глаз моих заставил вас страдать.*

(Cantique sp. St. XXX и XXXI)

Как не найти в такой экспрессии отмеченности *биологического вида*, выражающего помощь всему, что составляет самое прекрасное на земле, и нам подсказывается какая-то идея Неба, вдохновляющая в этой цели самую чувствительную лиру: лиру поэта-мистика? Листья и цветы, сияющие луга и вся символика драгоценных камней, самых милых животных приходят на помощь душе, жаждущей быть услышанной.

Можно ли сказать, что всякий мистик – это поэт?

Я храню намек на первичный смысл слова, того еще, какой использовала великая Тереза в пустыне без образов, где перед нею распростер крылья орел, она могла претендовать на это звание *в самом высоком смысле*. Но ни Святой Фома Аквинский, ни Винсент де Поль², ни святая Тереза не вошли в поле зрения моего сюжета, несмотря на величественность своих ролей.

Я заключаю, однако, что религиозный мистик, истинный мистик не обязательно поэт.

Но и обратное неточно, и я утверждаю смело, что во всяком истинном поэте, во всех поэтах, выражающих чистые мысли и чувства, есть мистика.

И даже если не мистика, однако чистота в части его дела остается накопленной для созерцания, и, если провести, к примеру, исследование разделения духовного добра и зла, это потребует иногда более достоверной проверки святости?

Какую часть следует отдать воображению в произведении, построенном, например, Катагриной Эммерих – демоническому вдохновению в жизни Марии, матери распятого Иисуса?

Здесь остаются вся широта, весь суд авторитета церкви.

¹ «Prisonnier» одновременно обозначает: «узник» и «язык».

² Винсент де Поль – католический святой.

Но с поэтом мы приходим в самые туманные области, которые не предполагают полного решения проблемы. Вот почему мы оцениваем подобные произведения, согласно их относительной значимости, не объявляя их в качестве последней инстанции, зная, что, небольшая разница, большая или меньшая, не всегда приведет к серьезным последствиям.

Однако особенно целесообразно так поступать в скромной области поэзии самой простой, где классификация необходима:

Поэта, подчиненного духу зла;

Поэта, который в своей экспрессии еще не содержит прямой похвалы Богу, прославления его, по меньшей мере, его произведения, его Творения;

Поэта, который либо в описании природы, либо в показе воздействия чувства, любви, например, постепенно поднимается к сакральному трепету, когда мы чувствуем мгновениями, если бы я мог так сказать, дрожь Бога, ветер ангельских крыльев.

Поэты, посвященные исключительно злу, – не будут настоящими поэтами – я не смогу назвать никого. А что же добро? Поэты принадлежат добру мистически, но во всех других смыслах, чем те, которых мы назвали бы частью этого понятия. Они выходят в демонологию, в оплодотворение и одержимость дьявольской властью.

Среди описанных поэтов необходимо осмыслить многочисленную группу поэтов-античников и добрую плеяду поэтов-романтиков. Конечно, Теокрита, Виргилия, Ронсара, Мюссе так легко не записать в наш перечень. Но иногда даже пространство их язычества, мистическое чувство обнажается, очищается вдохновением. Разграничение часто бывает трудным.

Последние, но самые великие в нашем мистическом эссе, породы Данте, Сервантеса, Ламартина, Верлена «Sagesse» и Клоделя. Не все достигают вершин этих мастеров. Но большинство из них превосходны, чьи листы разрознены и рассеяны. Самые прекрасные шедевры, без сомнения, не были сформулированы теми, чья слава коронована зеленым лавром. Вы иногда мечтаете о склепе, в котором уснут самые великие стихи, которые Бог один узнал?

Там сойдутся ангелы и человеческие тени. У одного из них, Ковентри Патмора³, я возьму займы короткую страницу, которая показывает несказанную связь, где ночь соединяется с зарей, и Небо – с Землей:

«Мой маленький мальчик (в задумчивом взгляде его глаз, в движениях, словах и спокойных манерах – большая личность) в седьмой раз ослушался моей воли; я его побил и бессердечно не вернулся, чтобы обнять; его мать, которая была терпелива, умерла. Испугавшись, что печаль помешает ему уснуть, я отправился взглянуть на него в постели и нашел глубоко спящим, с пульсирующими веками и ресницами, еще влажными от пролитых слез. И я обнял его, оставив вместо детских слез мои собственные. А на столе, у изголовья, своими руками он выстроил коробку с жетонами и галлон с красными прожилками

³ Ковентри Патмор – британский поэт и литературный критик. См. «Les joujoux» (в переводе на французский Поля Клоделя). [https://fr.wikisource.org/wiki/Poèmes_\(Patmore\)](https://fr.wikisource.org/wiki/Poèmes_(Patmore))

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.